

О локальных особенностях сибирского корпуса легенд русской фольклорной Библии

Аннотация. Устные народные рассказы, связанные с библейскими событиями и персонажами, составляют важный раздел русской фольклорной легенды. Фольклорная традиция демонстрирует при этом связь с христианской книжностью – канонической и апокрифической, и привносит элементы дохристианских верований и представлений различных этнокультурных традиций. Адаптация фольклорной традицией библейских повествований, переходящих в фольклорную Библию, и особенности их восприятия в системе народных представлений имеют академический интерес. Изучение фольклорных версий библейских легенд в русских сибирских записях указывает на их органичную связь со славянской фольклорной традицией: славянские переселенцы в Сибири приносили с собой традиции из Европейской России. Однако повествования о Мамонте, отказавшемся войти в ковчег Ноя и погибающем во время Потопа; о Рябчике, напугавшем Христа, за что был уменьшен им в размерах; и о Медведе, просившем себе у Бога пятый палец (это ему предлагается при условии, что собака получит лук и стрелы) известны в русской фольклорной Библии только в сибирских записях и не известны в записях Европейской России. Указанные повествования и являются предметом рассмотрения в данной публикации.

Oral folk stories related to biblical events and characters form a significant part of Russian folk legends. This oral literature tradition has drawn on Christian literature, both canonical and apocryphal and includes elements of pre-Christian beliefs and attitudes traceable to different ethnocultural traditions. The adaptation of biblical stories by oral literature tradition amounts to a 'Folk Bible' and the features and ways of its acceptance in the system of folk tradition are of scholarly interest. Studying of folk versions of biblical legends in Russian Siberian records specifies their organic communication with Slavic folk tradition; Russian settlers in Siberia brought with them the traditions from European Russia. The stories about the Mammoth refuses to enter Noah's ark and drowns; about the Hazel grouse frightened Christ and was made smaller by them; and about the Bear asked Christ for a fifth finger (and is offered it with the condition that the Dog receives bow and arrows) recorded in Siberia alone and not in European Russia. The specified narrations are a subject of consideration in the given publication.

Ключевые слова: славянский фольклор, фольклорная Библия, этиологические легенды, сюжеты, версии, варианты.

Slav folklore, folk Bible, etiological legends, plots, versions, variants.

УДК: 398.222(=161.1).

Контактная информация: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Институт филологии СО РАН, сектор русского языка в Сибири. Тел./факс: (383)330-53-45. E-mail: vera_kuznetsova@mail.ru.

Одним из важных разделов русской фольклорной легенды является группа так называемых «библейских» легенд – устных народных рассказов, темы и сюжеты которых связаны с событиями и персонажами библейского повествования. Фольклорная традиция демонстрирует при этом, с одной стороны, знакомство с христианской книжностью – канонической и апокрифической, с другой – в фольклорные повествования на темы библейской истории вносятся существенные элементы дохристианских верований и представлений. Это придаёт фольклорным «библейским» легендам особый интерес при изучении механизмов усвоения фольклорной традицией книжно-письменного повествования и особенностей восприятия его в системе народных представлений.

Наблюдения, которые будут здесь представлены – результат исследования собранного нами корпуса легенд русской фольклорной Библии в Сибири, который рассматривался в сравнении с подобными материалами Европейской России. Описанный корпус включает более 200 текстов. Хронологически материалы охватывают около полутора веков – от середины XIX до начала XXI столетия. Тексты представляют разные регионы Сибири: более 170 сюжетно-мотивных форм записаны в Западной Сибири (от Тобольского севера до Алтая) и около 150 зафиксировано в Восточной Сибири (на территориях от Русского Устья до Забайкалья). На основе собранных материалов нами подготовлен рабочий вариант указателя тем и сюжетов, представленных в локальной – сибирской – редакции русской фольклорной Библии. В настоящее время в нём учтено более 300 сюжетно-мотивных форм.

Исследование показало, что с точки зрения источников для формирования повествований народной Библии тексты корпуса могут быть поделены на две группы. Одна из них – тексты, которые представляют собой пересказ Библии. Эта группа очень немногочисленна – народные легенды лишь в

небольшой своей части являются точным пересказом библейских текстов. Вторая часть фольклорных легенд расширяет повествовательные рамки библейской истории дополнениями из других источников. Одним из таких источников, как свидетельствуют особенности фольклорных версий библейских легенд, послужила апокрифическая книжность; другим – стала сама фольклорная традиция: её сюжетика, арсенал изобразительных средств, свойства фольклорного сознания. Та часть материалов, в которых книжно-христианский источник существенно расширен именно *фольклорными дополнениями*, составляет основную часть корпуса (подробнее об источниках и механизмах формирования фольклорных версий библейских легенд в русских сибирских записях см.: [Кузнецова 2009]). Рассмотрение фольклорных версий библейских легенд в русских сибирских записях установило при этом, с одной стороны, их органичную связь с общеславянской традицией, с другой – в их сюжетном фонде был выявлен ряд особенностей, не отмеченных на территории Европейской России.

Так, все известные варианты русских легенд о погибающем во время Всемирного потопа **Мамонте** записаны на территории Сибири. В нашем корпусе это повествование представлено в семи вариантах, один из которых записан на юге Западной Сибири, другие фиксации восточносибирские – Русское Устье, Приангарье, Забайкалье; записи первой половины XX и начала XXI столетия (о некоторых русских записях сюжета см.: [Кузнецова 2008: 8–12]). Вот одно из таких повествований:

Когда Ной выстроил свой корабль, то стал созывать зверей в ковчег, чтобы они не утонули. Зовет и мамонта.

– Иди в корабль, а то утонешь!

– Нет, я и так выплыву! – отвечает мамонт. Понадеялся на свои силы мамонт. Когда потопа разлилась на земле, всплыл и мамонт. Сначала плавал хорошо, потом отяжелел; а в ковчег по-пасть уже нельзя – наглухо заперта дверь, да и дождь одолел. Бился-бился мамонт на воде, да и пошел ко дну. Вот тебе и выплыл [Герасимов 1913: 87, № 39].

В Сибири, где, как известно, нередко находили останки мамонтов, а иногда и целые скелеты их, «даже со шкурой и мясом», хорошо известны разного рода рассказы о мамонтах. Согласно поверьям, мамонт – крупное животное, которое боится солнечного света, живёт и передвигается под землёй, и его движения там часто являются причиной обвалов берегов рек и землетрясений. Такие представления русских сибиряков о мамонте зафиксированы уже в описаниях ранних авторов XVIII в. [Новицкий 1884: 15–17; Татищев 1979: 36–37] и позднее. Так, в начале XIX в. подобные верования были отмечены, например, П.А. Городцовым среди крестьян деревни Артамоновой Тюменского уезда Тобольской губернии, которая стоит на берегу реки Тобол [Городцов 1908: 1–4]. Каждый год, когда во время весеннего половодья воды Тобола подмывают и разрушают берег, крестьяне деревни Артамоновой уверены, что берег ломает не вода, а мамонт, водящийся в земле где-то неподалёку от этой деревни. В близком присутствии мамонта артамоновских крестьян убеждает, по свидетельству собирателя, «то, что в обрывах берега реки Тобола близ деревни крестьяне находят кости мамонта, а лет 20 тому назад в обрыве берега был найден целый костяк мамонта с большой головой и с огромными “рогами”». «Нужно заметить, – уточняет здесь исследователь, – что рогами крестьяне называют клыки, или бивни мамонта» [Городцов 1908: 1].

Вот несколько примеров связанных с мамонтом сибирских поверий, в которых отразились описанные выше представления:

Мамонт-зверь ходит под землей, как рыба в воде; если выйдет в яр, то умирает. <...> (Семипалатинск) [Потанин 1864: 123].

Или:

Мамонты жили только спривоначалу века – очень недолго. От них пошли реки и речки. Куда мамонт идет, туда по его следам протекали реки; куда он глазом кинет, оттуда зачинались мелкия речки и ключи. Теперь мамонты живут под землю (запись с пометой: «д. Пинчуха, Ив. Андр. Толстых») [Арефьев 1902: 92, № 1].

Ср. близкую современную запись из Омской области:

Речка наша давно образовалась, люди здесь не жили, а только звери разные. Вот где мамонт прошел, там и река потекла [Феоктистова 1998: 37].

Отмечается, что указанные представления о мамонте близки описанию Единорога-зверя в русском духовном стихе о «Голубиной книге», например:

Единорог-зверь над всем зверям зверь. <...>

Живет единорог – во Святой горы,

*он проход имеет по подземелью;
прочищает все ключи источные.
Когда единорог-зверь поворотится,
воскипят все ключи подземельные:
потому единорог-зверь всем зверям зверь* [Варенцов 1860:26].

Ср.: единорог-Индрик – огромный зверь, имеющий рог, *рогом проходит зверь по подземелью, аки ясное солнце по поднебесью* [Бессонов 1861: 372].

В восточнославянском фольклоре известны и легенды о звере *Единороге, гибнущем во время Всемирного потопа*, примеры находим во многих классических фольклорных собраниях [Добровольский, 1891/1: 239, № 18; Драгоманов 1876: 95–96, № 7; Чубинский 1872/1: 211; Гнатюк 1902/1: № 33; Гнатюк 1902/2: 3, № 211, 212, с. 249, № 430].

Представляется, что на основании сходства в атрибутах *единорога* и *мамонта*¹⁹ (по описаниям текстов, тот и другой – крупное животное, которое боится солнечного света, живёт и передвигается под землёй, а его движения становятся причиной обвалов берегов рек) произошло перенесение некоторых представлений, связанных с единорогом, на мамонта. В результате мамонт, фигура которого в картине верований сибиряков была более актуальной, «заменяет» единорога в сюжете о Потопе и оказался «приобщённым» к библейской истории. Очень наглядно процесс такого замещения персонажей можно проиллюстрировать на примере приводимых ниже вариантов с мотивами «*единорог и птицы*» и «*мамонт и птицы*». В вариантах европейской территории [Драгоманов 1876: 95–96, № 7; Чубинский, 1872/1: 211; Гнатюк, 1902/2: 3, № 211, 212, с. 249, № 430] – **единорог** отказывается войти в ковчег, понадеявшись на свои силы; птицы, спасаясь от потопа, садятся на рога/спину единорога, он тонет²⁰; в варианте, записанном от русских поселенцев в Забайкалье [Логоиновский 1890: 142; Ермолов 1905: 287] – **мамонт** отказывается войти в ковчег, понадеявшись на свои силы; птицы, спасаясь от потопа, садятся мамонту на рога, и он тонет:

Когда Ной забрал в ковчег всех птиц, то единорог-жец заявил, что он в состоянии плавать сорок суток, и потому не желает идти в ковчег. Верят, что он действительно прожил бы, если бы не утопили его другие птицы, спасаясь от потопления на его спине (Литинский у. Подольской губ.) [Чубинский 1872/1: 211].

Не хотел войти в ковчег мамонт; он надеялся проплавать. Долго он плавал, наконец, когда потопило горы и леса, птицам негде было сидеть, оне стали садиться ему на рога. Долго он еще плавал и с птицами; наконец их стало садиться все больше и больше, силы мамонту изменили, и он не доплавал нескольких дней, потонул (станция Размахнина Забайкальской обл.) [Логоиновский 1890: 142].

Если поверья о мамонте, живущем под землёй, в записях Европейской России отдельными фиксациями представлены:

«Есть зверь мамонт, необыкновенной величины, который ходит под землей, как под водою» (Нижегородская губ.) [Зеленин, 1915/2: 794],

то сюжетные повествования о Мамонте и Потопе там не отмечены, все известные варианты русских легенд о погибающем во время Потопа Мамонте записаны на территории Сибири. Таким образом, в отношении легенд о Мамонте, погибающем во время Потопа, можно говорить не об оригинальном сибирском сюжете, но об оригинальной сибирской версии хорошо известного у славян сюжета.

Другая особенность сибирского корпуса русских «библейских» легенд связана с рассказами о **Медведе**.

В повествованиях о Медведе в русской фольклорной Библии представлены два мотива: «*Медведь – превращённый человек*» и «*Медведь просит себе у Бога / Христа пятый палец*». Первый мотив, известный в сказках, легендах и поверьях о происхождении медведя от человека, которого Бог обратил в зверя (часто в наказание за какую-либо провинность), широко распространён в славянской традиции (перечень славянских этиологических сюжетов о медведе см., например: [Гура 1997: 159–162]); в нашем корпусе он также присутствует.

¹⁹ О фольклорных представлениях, связанных с единорогом – мифическим животным, персонажем книжных и устных славянских легенд, и с мамонтом см.: [Белова 1994: 11–15; Белова 1999: 178–179; Белова 2001: 285–286; Дурново 1902; Миллер 1877; НБ: 276; Топоров 1988: 96–97].

²⁰ Ср.: подобным образом гибнет во время Потопа Стратим-птица («лебедзь одзин»): отказывается войти в ковчег, понадеявшись на свои силы; прочие птицы, чтобы спастись, садятся на спину Стратим-птице, она тонет [Романов 1891/4: 10, № 2].

Второй из названных мотивов – о Медведе, просившем для себя у Бога пятый палец (*Бог / Христос соглашается, но грозит в этом случае дать собаке лук и стрелы*) – известен нам только в русских сибирских записях. В опубликованном корпусе восточнославянской «Народной Библии» он представлен одним вариантом, и этот вариант – сибирский, из Приангарья «Как мудведь с Богом говорил» (записал А.А. Савельев в декабре 1910 г. в д. Федина Пинчугской вол. Приангарского края):

Пошел мудведь к Богу и говорит ему: «Дай мне, Бог, петь пальцев на ноги, и потом я буду богатырь в двенадцать лошадиных сил». Подумал Бог, подумал да и говорит: «Хорошо, ежели ты хошь, чтоб я тебе дал петь пальцев, а у ты сила и так уж огромная, так я собаке тоже дам луку и стрелу. Хошь так?!» Ну, мудведь тоже стал думать. Думал, думал, да и говорит Богу – нет! Вот у ево четыре пальца только и есть [Фольклор Приангарья... 2000: 47 = НБ: № 353].

В нашем корпусе этот мотив присутствует в трёх вариантах, датируемых серединой XIX–серединой XX в.: наряду с указанным текстом из Приангарья, это ещё две записи – текст, близкий приведённому, из Русского Устья [ФРУ: № 75] и запись, сделанная в Забайкалье (Верхнеудинск) [Потанин 1864: 122].

Заметим, что все три русские фиксации этого сюжета сделаны в Восточной Сибири. Близкие мотивы обнаруживаются в фольклоре сибирских народов. Один из таких вариантов – рассказ о том, почему у медведя четыре пальца, с подробностью о луке и стрелах, находим в повествовании, записанном в конце 20-х гг. XX в. среди эвенков Туруханского края [Василевич 1936: 278, № 6]; подобное повествование отмечено также среди якутов [Эргис 1964: № 35]. Рассказы о Медведе, просившем себе у Бога пятый палец, известны в Северном Приуралье, у коми [Рочев 1984: № 105, 106в].

Отмечаемая близость мотивов русских вариантов повествований о Медведе, который просил себе у Бога пятый палец, фольклорным традициям народов урало-сибирского региона в сочетании с тем, что все известные русские записи этого сюжета сделаны в Сибири, даёт основание предполагать урало-сибирское его происхождение.

Ещё одна особенность сибирского корпуса «библейских» легенд связана с сюжетом о **Рябчике**, напугавшем шумом своих крыльев Бога / Христа / Божью Матерь (*они уменьшают его в размерах и делят его мясо между другими животными*).

Повествования о Рябчике, который был уменьшен в размерах, принадлежат к числу небиблейских сюжетов, приуроченных фольклорной традицией к событиям библейской истории, и представлены двумя разновидностями сюжета. Согласно вариантам одной группы, Рябчик уменьшен Богом в размерах по жалобе других птиц:

птицы стали жаловаться Богу – отчего он сделал рябчика крупной птицей и дал ему белое мясо, а им черное; Бог «перedelil» мясо рябчика и уменьшил его в размерах.

В нашем корпусе этот мотив находим, например, в тексте, записанном на юге Томской губернии [Потанин 1864: 123]. Мотив уменьшения рябчика в размерах по жалобе птиц известен и в Европейской России; пример – вариант такого рассказа, записанный в Архангельской губернии:

Рябчик был прежде огромная птица, но каким-то чудом по жалобе тетеревей, половина белаго его мяса перешла к тетерям. Оттого рябчик стал мал, а тетеря большие, и у последних выходит разительное несходство мяса [Ефименко 1877: 172].

Другая разновидность сюжета об уменьшении Рябчика – повествования о Рябчике, напугавшем Бога / Христа / Божью Матерь – известна нам только в сибирских записях.

В нашем корпусе сюжет о рябчике, напугавшем Бога / Христа, представлен семью вариантами, четыре из них западносибирские (Тобольская и Томская губ.), ещё три записаны в Восточной Сибири (Приангарье); записи датируются серединой XIX–первой третью XX в. (о некоторых сибирских вариантах сюжета см.: [Кузнецова 2008: 6–8]). Пример такого повествования из Приангарья (с пометой: «д. Пинчуга от Герас. Толстых»):

Сначала рябок (рябчик) был очень большой, – больше сохатаго (лось самое крупное в крае животное). Однажды шел Христос по раю. Рябок вылетел из деревьев и испугал его. За это Христос разложил мясо рябка по всем животным. От этого рябок стал очень маленьким, а в каждом животном – сохатом, олене, корове и овце – встречается белое рябочье мясо [Арефьев 1902: 93, № 3].

В опубликованном корпусе «Народной Библии» сюжет о рябчике представлен двумя фиксациями и обе они – русские сибирские: из Приангарья [НБ: № 384, 385]. Впрочем, варианты этого сюжета на

европейской территории России также отмечены, но не повсеместно. Нам известно два подобных варианта: один из них из Архангельской области [Ефимова 1997: 168], ещё один вариант записан среди старообрядцев Усть-Цилемского района Республики Коми (записано в 2007 г. в с. Турусово от Феврусы Фёдоровны Ермолиной, 1927 г.р.) [Рассказы цилемских старообрядцев 2010: 59]. Пример такого повествования (записано в 1991 г. в д. Нюхча Пинежского р-на Архангельской обл. от Когина Василия Степановича, уроженца д. Нюхча):

А вы знаете, почему рябчик меньше глухаря теперь? Свист-то у него теперь такой залихватый красивый, у рябчика. А раньше как соловей-разбойник кричал. И вот лесной мужик как раз идет. А он захопался, засвистел. «Ах, чертяга, хулиган! С этого время, говорит, втрое меньше будешь свистеть, втрое, говорит, звук меньше будет». Вот теперь он такой стал, а глухарь сам собой [Ефимова 1997: 168].

Рассказы о рябчике, известные в других географических территориях России, характеризуются иными мотивами. Они, например, связывают происхождение рябчика с рябиной, объясняя это тем, что ягоды рябины – излюбленное лакомство рябчика, или созвучием двух слов; появление рябчика вблизи жилища воспринимается как недоброе предзнаменование и др. (подробнее см.: [Гура 1997: 743]). Все выявленные восточнославянские записи сюжета о рябчике, напугавшем Христа, оказываются локализованными северо-восточной частью Европейской России и Сибирью.

Примечательным обстоятельством в связи с этим является бытование повествований о рябчике, напугавшем бога, в фольклоре сибирских народов. Так, в Восточной Сибири варианты подобных рассказов представлены в материалах по фольклору сибирских эвенков [Василевич 1936: 32] и якутов [Эргис 1964: № 26] – на севере, у бурят [Сказания бурят 1890: 76] – на юге Восточной Сибири. Вот пример эвенкийского рассказа (записала Г.М. Василевич в Нгоконно от А. Камбагира):

Вначале рябчик большой был, лося больше был. Однажды шел бог. Бога испугал рябчик. После того, как заставил испугаться, (бог) мясо рябчика рассек, бог отбавил от мяса его. Он поделил всем живущим мясо рябчика. Поэтому сейчас рябчик маленький стал [Василевич 1936: 32, № 34].

В Западной Сибири сюжет известен в фольклоре северных алтайцев – кумандинцев, челканцев (см., например: [Алтайские народные сказки 2002: № 6]), а также у хантов [Кулемзин 1973: 27]. Пример указанного хантыйского повествования:

Рябчик раньше был большой птицей. Однажды он внезапно вспорхнул и напугал Торума. Торум рассердился и порвал его на семь частей, на семь сторон света раскидал по кусочку. Из одного кусочка стал теперешний рябчик. И с тех пор белое рябчиковое мясо есть у всех зверей и птиц. У глухаря есть белое мясо, у лося вдоль хребта тоже идет белое мясо рябчика (записал В. Кулемзин в 1973 г. в сел. Новый Васюган на реке Васюган от П.Н. Синарбина, 43 лет).

В связи с приведённым хантыйским вариантом сюжета очень показательной представляется нам запись рассказа о Рябчике, сделанная в Сургутском крае на реке Оби от русского охотника Федота. Публикатор сопровождает приводимые им материалы из этнографической тетради С.В. Шибанова следующим пояснением, которое содержит важное для нас указание на происхождение, в том числе, и интересующего нас текста: «В 1987 году, незадолго до своей смерти, мой дядюшка Сергей Владимирович Шибанов, бывший политический ссыльный, подарил мне перепечатанный экземпляр этнографической тетради, которую он вел в 1929 году. Отбыв заключение в Соловецком концлагере, С.В. Шибанов был отправлен с партией заключенных на Восток, здесь в ссылке под Сургутом на реке Оби он делал этнографические записи. В их числе сохранились *услышанные от русского охотника хантыйские (зырянские) рассказы о мифологических существах*» (выделено мною. – В. К.) [Ефимова 1997: 177]. Среди этих текстов и находим запись рассказа о том, как Рябчик напугал лесного старика Тором-Ики («вроде нашего лешака» – поясняет рассказчик [Там же]) и был за это уменьшен им в размерах:

Вначале рябчики были большие, величиной с глухаря. Рябчик и сейчас при взлете шумит крыльями, а когда был большой, то и шум производил очень большой. И вот однажды шел Тором-Ики по лесу, шел по своим делам и ни о чем не думал. Вдруг из-под самых его ног из снега с шумом вылетел рябчик. Тором-Ики вздрогнул и сильно испугался, так испугался, что чуть не упал. «Это что же такое? Неладно получается!» – Подумал он. Взял он рябчика и разорвал его на 77 частей и только из одной части сделал опять рябчика, а остальные части вставил в тело разным другим птицам. Один кусочек у него остался, и он вставил его рыбе. Сейчас у каждой птицы есть кусочек белого рябчикова мяса, а у рыб этот кусочек находится в щечках [Ефимова 1997: 178].

Известен этот сюжет и в европейском Северном Приуралье – у коми-зырян. Здесь наряду с Христом это повествование связывают с пророком Ильёй [Рочев 1984: № 101, 102]:

<...> Рябчик был очень большой птицей, самой большой птицей. Христос бог ехал на лошади. Верхом на лошади. И вспорхнул, вылетел рябчик. И напугал бога. Пусть, дескать, будешь ты величиной со свое сердце. Рябчику сказал. С тех пор он и стал величиной со свое сердце. Рябчик, и есть величиной с куриное яйцо, ну, со стакан (№ 102; записано в 1977 г. в с. Аныб Усть-Куломского р-на от А.П. Нестерова, 69 лет);

В старину ехал однажды Илья великий по лесу. С обочины над дорогой взлетел рябчик. От шума крыльев конь испугался, отпрянул в сторону. Илья великий упал с коня на землю. И проклял рябчика: «Будь ты впредь не больше, чем твой желудок!» И с тех пор он стал маленький. И теперь маленький (№ 101; записано Д. Фокошем-Фуксом в 1916 г. от Т.А. Кочанова, уроженца д. Фроловская Усть-Куломского р-на).

Заметим, что и в русских вариантах, и в вариантах урало-сибирских этносов есть и нехристианизированные формы повествования, представляющие собой этиологические мифологические рассказы, и христианизированные формы сюжета, в которых повествование связано с именем Христа, Богородицы, пророка Ильи. Так, в пояснениях к одному из якутских вариантов собиратель прямо указывает, что в сказке имеется в виду христианский бог, и что в других вариантах этой сказки говорится, что рябчик напугал Богородицу или Бога Отца [Эргис 1964: 296]. При этом заметно сходство в деталях повествований разноэтнических, но записанных на близких территориях. Например, по одному из вариантов Архангельской области, рябчик сделался меньше в размерах за то, что напугал «лесного мужика» [Ефимова 1997: 168], ср. приведённые выше хантыйские и русско-хантыйские варианты, в которых рябчика уменьшает «лесной старик» – Тором-Ики. Или: усть-цилемский вариант о наказании Рябчика Христом, в котором Христос произносит: «*Был, ряб, ты с корову, будешь с кулак*», ср. с приведёнными выше коми-зырянскими вариантами, где Христос или пророк Илья произносят: «*Пусть, дескать, будешь ты величиной со свое сердце*» или: «*Будь ты впредь не больше, чем твой желудок!*» Упомянутые выше русские варианты из Приангарья и записи рассказов туруханских эвенков никаких формул не содержат.

На фоне таких особенностей текстов обстоятельство, что распространение сюжета о Рябчике, напугавшем Христа, локализовано северо-восточной частью Европейской России и Сибирью, даёт основание предполагать урало-сибирское его происхождение.

Обратим внимание на ещё одно неизвестное в общерусской традиции фольклорное повествование, расширяющее представления о культурном контексте, в котором формировались и бытовали подобные рассказы. Полагаем, оно является косвенным подтверждением локального характера рассмотренных легенд в русской сибирской традиции. Этот рассказ (зафиксированный на юге Западной Сибири) связывает двух персонажей – мамонта и рябчика: крупные размеры рябчика и белый цвет его мяса здесь объясняются тем, что рябчик происходит от мамонта:

Мамонт был таким громадным животным, что не мог даже от тяжести носить своего тела. Тогда он сбросил с себя часть тела и из этой части образовался рябчик. Мясо мамонта было белое. Этот же цвет передался и рябчику. Вот почему рябчики имеют белое мясо [Герасимов 1909: 11, № 1].

Таким образом, особенности географического распространения сюжетов о Медведе, просившем для себя у Бога пятый палец, о Рябчике, напугавшем Бога, и о Мамонте, погибающем во время Потопа, рассмотренные в этнокультурном контексте урало-сибирского региона, дают основание расценивать эти сюжеты как особенность сибирской локальной версии легенд «библейского» корпуса. При этом если в случае с рассказами о Мамонте, погибающем во время Потопа, речь о сибирской версии хорошо известного у славян сюжета, то русские сибирские записи легенд о Рябчике и Медведе дополняют славянскую фольклорную Библию новыми для неё сюжетами.

ВСОРГО – Восточно-Сибирский отдел Русского Географического общества.

ЗСОРГО – Западно-Сибирский отдел Русского Географического общества.

Алтайские народные сказки / Сост. Т.М. Садалова. Новосибирск, 2002. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 21).

Арефьев В.С. Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губернии // Известия ВСОРГО. Иркутск, 1902. Т. 32. № 1–2.

Белова О.В. Единорог в народных представлениях и книжной традиции славян // Живая старина. М., 1994. № 4.

- Белова О.В.* Единорог // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2 (Д–К).
- Белова О.В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2001.
- Бессонов 1861* – Калеки переходные. Собрание стихов и исследование П. Безсонова. М., 1861. Вып. 2.
- Варенцов 1860* – Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым. СПб., 1860.
- Василевич 1936* – Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Сост. Г.М. Василевич. Л., 1936. Вып. 1.
- Герасимов Б.* Из мира легенд и недавнего прошлого // Записки Семипалатинского подотдела ЗСОРГО. Семипалатинск, 1909. Вып. 4. С. 1–18 (8-ая пагинация).
- Герасимов Б.* Сказки, собранные в Западных предгорьях Алтая // Записки Семипалатинского подотдела ЗСОРГО. Семипалатинск, 1913. Вып. 7. С. 1–87 (5-ая пагинация).
- Гнатюк 1902/1* – Галицько-руські народні легенди. Зібрав Володимир Гнатюк. Т. 1 // Етнографічний збірник. Львів, 1902. Т. 12.
- Гнатюк 1902/2* – Галицько-руські народні легенди. Зібрав Володимир Гнатюк. Т. 2 // Етнографічний збірник. Львів, 1902. Т. 13.
- Городцов П.А.* Мамонт (Западно-Сибирское сказание) // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1908. Вып. XVIII. С. 1–4.
- Гура А.В.* Символика животных в славянской традиции. М., 1997.
- Добровольский 1891/1* – Смоленский этнографический сборник. Составил В.Н. Добровольский. СПб., 1891. Ч. 1.
- Драгоманов 1876* – Малорусские народные предания и рассказы. Свод Михаила Драгоманова. Киев, 1876.
- Ермолов А.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. СПб., 1905. Т. 3: Животный мир в воззрениях народа.
- Ефименко 1877/1* – Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П.С. Ефименком. М., 1877. Ч. 1.
- Ефимова Е.С.* Поэтика страшного в народной культуре: мифологические истоки. М., 1997.
- Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива имп. Русского Географического общества. Пг., 1915. Вып. 2.
- Кузнецова В.С.* Рябчик и Мамонт в легендах русской фольклорной «Библии» (русские сибирские записи) // Сибирский филологический журн. Новосибирск, 2008. № 3. С. 5–13.
- Кузнецова В.С.* Фольклорные версии легенд о библейских событиях и персонажах: источники и механизмы формирования // Сибирский филологический журн. Новосибирск, 2009. № 4. С. 5–13.
- Кулемзин 1973* – Легенды и сказки хантов. Запись, предисл. и примеч. В.М. Кулемзина и Н.В. Лукиной. Томск, 1973.
- Логиновский К.Д.* Русский рассказ из Забайкалья [о Потопе] // Записки ВСОРГО по этнографии. Иркутск, 1890. Т. 1. Вып. 2.
- Миллер В.Ф.* О лютом звере народных песен древности // Труды Московского археологического общества. М., 1877. Т. VII. Вып. 1.
- НБ* – «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой. М., 2004.
- Новицкий 1884* – Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году. СПб., 1884.
- Потанин Г.Н.* Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник, издаваемый имп. Русским Географическим обществом. СПб., 1864. Вып. 6.
- Рассказы* цилемских старообрядцев / Публикация Ю.И. Ильиной, Т.С. Каневой, Е.В. Проскуриной // Живая старина. М., 2010, № 1. С. 59–61.
- Романов 1891/4* – Белорусский сборник. Собрал Е.Р. Романов. Витебск. 1891. Вып. 4: Сказки космогонические и культурные.
- Рочев Ю.Г.* Коми легенды и предания. Сыктывкар, 1984.
- Сказания* бурят, записанные разными собирателями // Записки ВСОРГО по этнографии. Иркутск, 1890. Т. 1. Вып. 2.
- Татищев В.Н.* Сказание о звере мамонте // Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 39–50.
- Топоров В.Н.* Мамонт // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М., 1988. Т. 2 (К–Я).
- Феоктистова И.К.* Мифологические мотивы русского сибирского предания о мамонте // Филологический ежегодник. Омск, 1998. С. 34–39.
- Фольклор* Приангарья начала XX в. Предисловие и публикация В.В. Запорожец // Живая старина. М., 2000. № 2.
- ФРУ* – Фольклор Русского Устья. Л., 1986.
- Чубинский 1872/1* – Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной имп. Русским Географическим обществом. Юго-Западный отдел. Материалы и исследования, собранные д.чл. П.П. Чубинским. СПб., 1872. Т. 1: Верования и суеверия.
- Эргис 1964* – Якутские сказки: В 2 т. / Издание подготовил Г.У. Эргис. Якутск, 1964. Т. 1.